

РЭЙ ХАРТ

ЛИМОННЫЙ
БОР

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАН • ЛЮБОВЬ • ТАЙНЫ • МАГИЯ

Рэй Харт
Лимонный вор

«Автор»

2026

Харт Р.

Лимонный вор / Р. Харт — «Автор», 2026

У Чон Су А нет времени на мечты — две работы, долги отца и несчастная мать. Единственная радость — крошечный сад на крыше старого дома, где она выращивает мяту и лимонное дерево. Однажды сосед сверху крадёт её лимон. Этот молчаливый странный мужчина не похож на других: он заживляет ожоги за ночь, поднимает тяжести одной рукой и говорит загадками. Он ищет то, чего нет уже шестьсот лет. И почему-то он смотрит на неё так, будто она — самое настоящее чудо. «Лимонный вор» — история о бедной девушке и бессмертном существе, которое устало от вечности. Их встреча пахнет мятой, цитрусами и первой грозой.

© Харт Р., 2026

© Автор, 2026

Рэй Харт

Лимонный вор

Часть 1 . Су А

Глава 1. Девушка, которая считает каждый вон

Чон Су А никогда не мечтала о великом.

В двадцать пять лет она уже усвоила ту простую истину, на постижение которой у большинства людей уходят десятилетия: мечты — это роскошь, которую оплачивают свободным временем и душевным спокойствием. А у неё не было ни того, ни другого.

Утро в её съёмной квартире на восьмом этаже начиналось всегда одинаково — не потому, что она любила ритуалы, а потому, что на спонтанность не оставалось ни сил, ни денег. Будильник на телефоне срабатывал в шесть, но она неизменно открывала глаза на пятнадцать минут раньше — организм привык просыпаться от тихого гула холодильника, который, казалось, жаловался на свою старую участь так же часто, как и она сама.

Су А лежала на боку, поджав колени к груди, и слушала, как за стенкой сосед-студент включает свой бесконечный сериал, а сверху, с девятого этажа, доносится размеренный топот — кто-то ходил из комнаты в кухню и обратно, и этот звук был настолько привычным, что она перестала замечать его ещё полгода назад. Новый сосед въехал на этаж выше недавно — она смутно помнила, как он таскал коробки в квартиру, но тогда у неё была развозка, и она просто скользнула мимо, даже не поздоровавшись.

Некогда было.

Она садилась на кровати, которая скрипела при каждом движении, и некоторое время просто смотрела в окно. За мутным стеклом виднелась стена соседнего здания, серая и безликая, с кондиционерами, похожими на каменные цветы. Летний рассвет в Сеуле наступал рано, и солнце уже всю светило в щель между домами, но это был не тот мягкий прогрев, от которого просыпаешься с улыбкой, а влажное тепло, предвещавшее очередной день с температурой под тридцать и невыносимой духотой.

Она не ненавидела лето. Она просто уставала от него так же, как от всего остального.

Ванная комната была размером с кладовку, и душ приходилось принимать с осторожностью, чтобы не задеть локтем стену. Горячая вода кончалась быстро — дом старый, трубы ржавые, и если сосед сверху открывал кран, напор падал до уровня тонкой струйки. Су А научилась укладываться в пять минут: намочить, намылить, смыть. Никакой роскоши, никаких пенок с ароматом розы — только самое дешёвое мыло из ближайшего магазина и шампунь, который она покупала на распродажах.

В зеркале на неё смотрела девушка, которую можно было бы назвать красивой, если бы не тени под глазами. Светлые глаза — слишком светлые для кореянки, почти серые, с редким отливом, который иногда ловил солнечный луч и превращался в янтарный — казались больше от того, что лицо осунулось от недосыпа и постоянного недоедания. Кожа была бледной, почти фарфоровой, но на скулах проступал лёгкий розовый румянец — единственная щедрость природы, которая не требовала косметики. Длинные чёрные волосы, густые и блестящие вопреки всему — она не знала, почему они не выпадают при таком образе жизни; наверное, организм просто сжалился над ней. Она их собирала в высокий хвост, чтобы не мешались. Маленькая родинка над правой бровью, та самая, которую она теребила, когда нервничала, сегодня оставалась нетронутой — потому что нервничать было некогда.

На кухне, где помещались ровно она и холодильник, Су А заваривала мятный чай. Это был её единственный ритуал, который она не готова была отдать. Мята росла на крыше — туда она поднималась через чердачное окно и пожарную лестницу, потому что ключ от металличе-

ской двери, ведущей наверх, вечно терялся, а потом и вовсе исчез. Она посадила несколько горшков два года назад, когда въехала в эту квартиру, и они каким-то чудом выжили — полив по расписанию, пересадка раз в год, разговоры шёпотом, когда она чувствовала себя особенно одинокой. К мяте добавились базилик и лимонное дерево — карликовое, упрямое, подарившее этим летом целых четыре маленьких зелёных плода.

Она отщипнула лист, бросила в кружку, залила кипятком из сломанного чайника, который продолжал работать вопреки всем законам физики. Три минуты ожидания, пока горечь уйдёт и останется только мягкая свежесть. Первый глоток — почти наслаждение.

Второй глоток она делала уже на ходу, потому что автобус до работы ходил раз в двадцать минут, и опоздание означало вычет из зарплаты, а вычет из зарплаты означал, что в конце месяца она не сможет отправить маме те триста тысяч вон, которые та просила каждый раз дрожащим, виноватым голосом.

Мама работала прачкой в небольшой гостинице на другом конце города. Она вставала в пять утра, возвращалась в десять вечера, и её руки вечно пахли стиральным порошком и отбеливателем. Отец — игрок, лодырь и, если честно, просто слабый человек — не работал уже лет пять, проводил дни в подпольных залах с автоматами или за карточным столом, и каждый месяц приносил домой новые долги. Су А перестала злиться на него, когда поняла, что злость отнимает слишком много энергии, а энергия нужна для работы. Теперь она просто отправляла деньги и старалась не думать о том, что её двадцатипятилетняя жизнь состоит из сплошного компромисса между тем, что можно, и тем, что нельзя себе позволить.

Офис «Тэхан Медиа» встретил её привычным гулом кондиционеров и запахом дешёвого растворимого кофе. Она работала младшим специалистом по финансам, что на деле означало бесконечные таблицы, сверки, счета и отчёты, которыми никто не интересовался, но которые требовалось подавать в срок. Коллеги относились к ней нейтрально — не дружили, но и не враждовали. В двадцать пять она была самой молодой в отделе, и пухлый начальник, господин Пак, называл её «наша маленькая трудоголичка» с такой интонацией, будто это было скорее упрёком, чем комплиментом.

Обеденный перерыв она проводила за своим столом, потому что в столовой брали в три раза дороже, чем в магазине напротив. Тунец с рисом в пластиковом контейнере, нарезанные овощи, бутылка воды — и обратно за отчёты. Единственным развлечением был приход Ким Юны, её единственной подруги, которая работала в отделе маркетинга этажом выше.

Юна влетала в кабинет как ураган — на высоченных каблуках, с идеальной укладкой и макияжем, в платьях, которые стоили больше, чем месячная аренда квартиры Су А. Она была красивой — той наглой, уверенной в себе красотой, которая не спрашивает разрешения быть замеченной. Её бойфренд, Чанхо, владел сетью ресторанов, и Юна давно перестала работать ради денег — она работала от скуки, потому что сидеть дома и тратить чужие миллионы было не так интересно.

— Ты опять не спала, — сказала Юна вместо приветствия, плюхаясь на стул напротив. Сегодня на ней было платье цвета фуксии, и оно ослепляло так же, как её безупречная белизна зубов. — Под глазами мешки. Серьёзно, Су А, ты выглядишь как восставшая из мёртвых.

— Спасибо, Юна, — ответила Су А, не поднимая головы от экрана. — Ты всегда умеешь подбодрить.

— Я серьёзно. Бросай эту пиццерию. Ради всего святого, ты себя угробишь. Твоё тело не железное.

Но Су А знала, что тело — железное. Или просто привыкло к такому режиму: восемь часов в офисе, потом смена в пиццерии с шести до одиннадцати, восемь-десять развозок на старом байке, который кашлял, как чахоточный, но всё ещё держался. Домой она возвращалась за полночь, падала в кровать и просыпалась через шесть часов, чтобы повторить всё сначала.

По выходным — подработка в том же месте, в дневную смену. Отдых — утро воскресенья, когда она позволяла себе проспять до девяти и сварить двойную порцию мятного чая.

Байк — старенький «Хонда CV50», купленный с рук за триста тысяч вон, переживший два падения, ремонт, который стоил дороже самой покупки, и бесконечные насмешки коллег — был её единственной радостью. Не потому, что она любила скорость (хотя да, любила), а потому, что за рулём можно было не думать. Ветер, шум мотора, мелькание огней — это были те моменты, когда её мозг, наконец, замолкал и переставал подсчитывать, сколько денег осталось до зарплаты и хватит ли на мамину просьбу.

В тот вечер, как и в любой другой, она забрала три коробки пиццы и покатила по ночному Сеулу. Город подсвечивался неонам, уличные торговцы сворачивали свои лотки, парочки сидели на лавочках, обнявшись. Су А иногда смотрела на них краем глаза и ловила себя на мысли, что не завидует — просто наблюдает, как за аквариумом. Другая жизнь, другая реальность, в которой есть место для свиданий и долгих разговоров под звёздами.

В её реальности были долги, счета и лимонное дерево на крыше.

Четыре развозки в Хондэ, две в Йонсане, одна в Каннаме (клиент — пожилая дама, которая угостила её домашним кимчи и сказала, что она слишком худая), последняя — в Итхэвоне. К тому моменту время перевалило за одиннадцать, и Су А чувствовала, как спина начинает ныть от постоянного напряжения, а глаза — слезиться от ветра.

Домой она вернулась в половине двенадцатого.

Лифт, как всегда, не работал, и ступеньки на восьмой этаж казались бесконечными. В коридоре пахло соседским ужином — чесноком, кимчи и, кажется, жареной рыбой. Из-за двери напротив доносился плач ребёнка, сверху — музыка, приглушённая, медленная и красивая.

Су А зашла в квартиру, скинула кроссовки, стянула влажную от пота футболку и побрела в душ. Горячей воды почти не было — сосед сверху, видимо, тоже только вернулся. Она мылась под ледяной струёй, стуча зубами, и думала о том, что завтра надо заплатить за интернет — счёт пришёл ещё три дня назад.

На кухне она налила остывший мятный чай из заварника, сделала глоток и замерла.

Крыша

Ноги понесли сами, хотя разум говорил: ложись спать, завтра вставать в шесть. Но был в этом ночном подъёме — когда город замолкает, и небо становится выше, и ветер пахнет уже не выхлопными газами, а чем-то неуловимым — свой особый ритуал, отказаться от которого она не могла.

Она надела старые шорты и растянутую майку, захватила кружку и вышла в подъезд. Чердачное окно было приоткрыто — она сама оставила его таким утром, чтобы проветрилось. Пожарная лестница скрипела под ногами, но Су А знала каждую ступеньку, каждую проржавевшую перекладину.

Крыша встретила её любимой тишиной.

И запахом мокрого бетона — днём прошёл короткий дождь, который не освежил воздух, а только сделал его более тяжёлым. Её сад — три горшка с мятой, два с базиликом и лимонное дерево с четырьмя зелёными плодами — стоял в углу, огороженный старыми ящиками из-под овощей. Она подошла проверить, всё ли в порядке, дотронулась до листьев — тёплые, чуть влажные от вечерней росы.

Три лимона.

Она пересчитала. Один, два, три.

Четвёртого не было.

На ветке, где ещё вчера висел плод, остался аккуратный срез, как будто кто-то воспользовался маленькими ножницами. Су А нахмурилась, огляделась по сторонам. На крыше никого

не было — только тени от вентиляционных труб и старый диван, который кто-то вытащил сюда ещё до её вселения.

Она подошла к краю, заглянула за парапет. Чёрный силуэт, сидящий на бетонном блоке у дальней стены, был почти невидим — если бы не маленькая красная точка. Зажигалка? Нет, просто отблеск от соседней вывески, упавший на что-то гладкое.

— Простите, — сказала она негромко, и голос прозвучал на удивление твёрдо, хотя внутри всё сжалось от неловкости. — Вы не видели здесь... лимон?

Силуэт шевельнулся, и Су А поняла, что перед ней мужчина — длинные ноги, вытянутые вперёд, широкие плечи, голова с низко опущенным лицом, скрытым тенью. Он не торопился отвечать. Несколько секунд длилось молчание, такое плотное, что можно было разрезать.

— Лимон? — голос низкий, хриловатый, с непривычной — старомодной интонацией. — Боюсь, я не видел.

— Рос здесь. В горшке. — Су А сделала шаг ближе, потом ещё один. Теперь она видела его лучше — высокий, даже сидя кажется очень рослым, волосы длинные, собраны в низкий пучок на затылке, чёрная футболка, чёрные брюки. «В такой духоте и носит чёрное. Странно.»

— Может, ветром унесло? — предположил он, и в голосе промелькнула тень насмешки.

— Лимон, унесённый ветром, — повторила Су А, чувствуя, как усталость толкает её на неуместный сарказм. — Ветер такой сильный, что аккуратно срезает плоды? Ветер работает секатором?

Мужчина поднял голову, и свет от уличного фонаря, наконец, упал на его лицо.

Она на мгновение потеряла нить разговора.

Не потому, что он был невероятно красив — хотя да, был. Но красота бывает разная: яркая, бьющая в глаза, или тёплая, располагающая. Его лицо было ни тем, ни другим. Тёмные, глубокие, почти чёрные глаза, с таким выражением, будто он видел слишком много для одного человека. Светлая кожа, почти такая же бледная, как у неё самой, острые скулы, прямой нос, и губы очевидно пухлые, но сейчас сжатые в тонкую линию, которая чуть дрогнула.

— Хорошо, — сказал он. — Поймали. Это был я.

Су А замерла, не зная, что делать дальше. Обычно она бы разозлилась — найдётся же нахал, воровать чужие лимоны. Но внутри было странное любопытство. Обычно Су А не интересовалась тем, где нельзя заработать деньги.

— Зачем? — спросила она вместо этого.

— Люблю чай с лимоном, — ответил он так, будто это объясняло всё. Просто и без оправданий.

— И вы даже не спросили?

— Вас не было. А чай хотелось прямо сейчас.

В его голосе не было наглости. Была странная прямота, которая обезоруживала. Су А вздохнула, сделала глоток своего остывшего чая и села на парапет в нескольких метрах от него.

— Пожалуйста, — сказала она, чувствуя, как усталость берёт верх над всяким желанием ругаться. — В следующий раз просто спросите. Я отдам. Только не воруйте.

— Договорились, — легко согласился он. — Минхо. Ли Минхо.

Она назвала своё имя и почувствовала, как язык заплетается — не от волнения, от усталости.

— Я ваш сосед, — добавил он. — Этажом выше. Мы виделись несколько раз.

— Значит, вы тот, кто ходит по ночам, — сказала она.

— А вы та, кто поливает свои растения на рассвете, — парировал он.

Су А хотела спросить, откуда он знает, но потом вспомнила — звуки в этом доме разносятся так, будто стены сделаны из бумаги. Если она слышит его шаги, то и он наверняка слышит её возню с горшками.

— Не трогайте больше мой базилик, — попросила она, поднимаясь.

— А базилик я и не трогал, — ответил Минхо. — Он слишком пахнет. Ничего не ответив, Су А направилась к пожарной лестнице, но на полпути остановилась. — Что вы здесь делаете в такое время? — спросила, не оборачиваясь. Долгая пауза. Потом: — Дышу, — сказал он. — Иногда этого достаточно. Она не нашлась, что ответить на это, и просто ушла.

В квартире Су А поставила пустую кружку в раковину, легла на скрипучую кровать и долго смотрела в потолок, за которым уже не было слышно шагов. Сосед этажом выше, любитель лимонов и ночного воздуха, казался ей кусочком другой жизни — той самой, из аквариума, где люди могут позволить себе пить чай в три часа ночи и смотреть на город с крыши, не думая о том, что завтра вставать в шесть.

Она закрыла глаза и провалилась в сон без сновидений, как всегда.

А утром, перед работой, поднялась на крышу проверить свои растения. На лимонном дереве, рядом с местом среза, аккуратно лежал маленький лимонный плод — почти такой же, как пропавший, только чуть поменьше.

Рядом, на краю горшка, — конверт с мятной заваркой, какой продают в дорогих чайных магазинах, какую она никогда в жизни не могла себе позволить.

На конверте размашистый почерк: «Извините за лимон. Л.М.».

Су А постояла несколько секунд, глядя на это подношение, потом спрятала конверт в карман и пошла на работу.

Ей предстояло прожить ещё один длинный день, и она почти не думала о ночном разговоре — только краем сознания отмечала, что впервые за долгое время кто-то обратил на неё внимание не потому, что она развозила пиццу или не успевала сдать отчёт.

А потому, что он украл её лимон.

Станный способ начинать что-то новое, но, возможно, для таких, как она, других способов и не существовало.

Глава 2. Воскресенье, которое не принесло отдыха

Тот маленький зелёный лимон, подброшенный соседом, пролежал на подоконнике три дня, прежде чем Су А решила его использовать. Она вообще не привыкла к подаркам — даже к таким скромным, даже в качестве извинения за маленькую кражу. В её мире работало простое правило: ты либо зарабатываешь, либо обходишься без. Чужие жесты доброты вызывали смутную тревогу, будто за ними неизбежно следовало обязательство что-то вернуть, а возвращать было нечего.

Поэтому она отрезала половину плода, заварила мятный чай, добавила тонкий кружок и выбросила из головы и соседа, и его странную манеру говорить, и его подарок в виде дорогой заварки, которую пить было почти жалко — слишком благородный вкус для её невзрачной кружки с отколотой ручкой.

Пятница прошла как под копирку: таблицы, отчёты, развозка, душ без горячей воды, чай, сон. В субботу утром она уже собиралась на дополнительную смену в пиццерию, когда телефон замигал сообщением от начальника: «Чон Су А, в понедельник нужно сдать квартальный отчёт по расходам. Переносится на завтра. Будьте в офисе к девяти». Она вздохнула и набрала ответ: «Хорошо, господин Пак». Никакого «но это же воскресенье».

А потом случилось то, что окончательно сломало её планы на единственный свободный вечер.

Развозка в субботу выдалась тяжёлой — заказы сыпались один за другим, байк капризничал, а в пиццерии не оказалось трёх позиций из меню, и клиенты звонили с претензиями. Су

А вернулась в половине двенадцатого, налила воду в чайник, включила его на плиту — электрическую, старую, где искры иногда выскакивали вверх, если неправильно повернуть ручку — и задумалась о маме. О том, что давно не звонила. О том, что завтра надо бы съездить, но отчёт не даст.

Чайник закипел быстрее, чем она ожидала, и когда она сдёрнула его с плиты, ручка предательски нагрелась — не та часть, которую обычно держишь, а металлический ободок, о котором Су А забыла, потому что в прошлый раз он был прохладным. Кипяток плеснул на тыльную сторону ладони, когда она дёрнулась от боли, и кружка с заваркой полетела на пол, разбившись на три крупных осколка и мелкую крошку.

Боль была резкой, обжигающей, такой, от которой перехватывает дыхание и хочется закричать. Су А замерла, глядя на краснеющую кожу, на которой уже через несколько секунд начал вздуваться волдырь. Она сунула руку под холодную воду — кран на кухне давал лишь тонкую струйку, ледяную, но этого хватило, чтобы немного унять жжение.

— Чёрт, — выдохнула она, когда боль чуть отступила. — Чёрт, чёрт.

Волдырь рос на глазах, прозрачный и какой-то нереальный, будто приклеенный. Су А знала, что с такими ожогами надо ехать в больницу — там обработают, наложат повязку, может быть, дадут мазь, которая заживляет без рубцов. Но больница означала деньги, которых не было в бюджете на эту неделю. Она замотала руку бинтом из домашней аптечки — старой, с пожухлыми пластырями и просроченным йодом — и пошла спать, надеясь, что к утру станет легче.

Не стало.

К утру рука распухла, волдырь лопнул, и даже лёгкое прикосновение простыни вызывало такую боль, что Су А кусала губу до крови, чтобы не закричать. В зеркале отражалась бледная, осунувшаяся девушка с тёмными кругами под глазами и перемотанной рукой, которая выглядела так, будто её только что вытащили из-под обстрела во Вьетнаме.

Звонить в больницу и спрашивать цены было унинительно, но необходимо. Пятьдесят тысяч вон за первичный приём, ещё тридцать — за перевязку, плюс мазь. Восемьдесят тысяч, которые можно было бы отправить маме, но здоровье дороже, даже если кошелек говорит обратное.

В аптеку она зашла по пути в офис. Девушка-фармацевт, увидев руку, охнула и сказала, что нужно к врачу, а не просто мазь. Су А ответила, что врач будет позже, а сейчас дайте что-нибудь для заживления и обезболивающее. Купила гель и таблетки. Всё вместе потянуло на шестьдесят две тысячи — немного меньше, чем визит к врачу, но тоже неприятно.

В офисе воскресенье встретило её пустыми коридорами и редкими сотрудниками, которые тоже без желания пришли в выходной. Господин Пак сидел в своём кабинете, пил кофе и смотрел на неё с таким видом, будто её присутствие было одновременно и должным, и раздражающим. Отчёт по расходам оказался объёмнее, чем она думала — шесть месяцев, десять отделов, сотни накладных, каждая из которых требовала сверки.

Она просидела до четырёх, периодически морщась от боли в руке — обезболивающее помогало, но ненадолго. В четыре её телефон зажужжал, и на экране высветилось «Мама».

Су А вышла в коридор, прижала трубку здоровой рукой.

— Дочка, — голос мамы был тихим, каким-то истончённым, будто она боялась, что её кто-то услышит. — Как ты?

— Нормально, мама. Работаю. — Она не стала говорить про ожог. Не хотела, чтобы мама волновалась. Или, если честно, не хотела слышать тот бессильный, виноватый вздох, которым мама всегда реагировала на её проблемы. — А ты как?

— Да так... Тётя Хёксу сказала, что у них на работе нужна уборщица на полставки. Я подумала, может, устроиться? Стирка и уборка — там недалеко от гостиницы.

— Мама, — Су А закрыла глаза, прислонилась лбом к холодной стене. — У тебя уже две работы. Ты встаёшь в пять, ложишься в двенадцать. Куда тебе третья?

— Но деньги нужны, дочка. Отец... — мама запнулась, и пауза была красноречивее любых слов.

— Опять проиграл?

— Не проиграл, — голос мамы стал ещё тише. — Он занял у Чхве. Ты помнишь мистера Чхве? Он сказал, если до конца месяца не отдаст, то... ну, ты понимаешь.

Су А понимала. Чхве содержал тот самый подпольный зал с автоматами, в котором отец проводил дни и ночи напролёт. И он не шутил, когда говорил о последствиях. Год назад одному должнику сломали руку. Два года назад кто-то пропал на неделю, а потом объявился в больнице с сотрясением.

— Сколько?

— Триста. Как в прошлый раз.

Триста тысяч вон. Те самые, которые Су А только что потратила на мазь и могла бы отправить, если бы не ожог.

— Я пришлю, — сказала она, хотя на счету оставалось двести сорок. Придётся занять у Юны или пропустить платёж за интернет. — Мама, послушай. Уйди от него.

— Куда я уйду, дочка? Мне пятьдесят три года. У меня ничего нет. Мне некуда уходить.

Это была правда, которую Су А знала с детства. У мамы не было ни сбережений, ни жилья, ни образования, ни даже подруг, к которым можно было бы уйти на время. Она была привязана к этому браку, как к камню на шее, она не знала, как жить иначе.

— Я позвоню завтра, — мама поспешила закончить разговор, чувствуя, что дочка расстроена. — Ты береги себя. Не работай так много.

— Пока, мама.

Су А сбросила вызов и минуту стояла, глядя в белую стену, на которой кто-то написал карандашом «Чон Су А — дура». Она даже не знала, когда это появилось и кто это сделал. Возможно, она сама, в один из тех дней, когда ненавидела свою жизнь.

Вернулась к отчёту, допечатала, перепроверила и отправила господину Паку в шесть вечера. Тот коротко кивнул и ушёл, не сказав даже «спасибо за работу».

В шесть тридцать, на ватных ногах, она вышла из офиса и побрела в сторону дома. Нужно было купить продукты — в холодильнике оставался только рис и полбанки подаренного кимчи. Она завернула в магазин при въезде в их жилой комплекс — сетевой, но с приемлемыми ценами, если брать самое дешёвое.

Там она и увидела его.

Ли Минхо стоял у стеллажа с чаем, держа в руках две коробки — одну с зелёным, другую, кажется, с чабрецом. Рядом с ним, в тележке, уже лежали фрукты — дорогие, явно не из акционной зоны: персики, виноград, какая-то зелень в вакуумной упаковке.

Он был одет в чёрное — в который уже раз. Длинные волосы сегодня распущены и слегка влажные, будто он только что вышел из душа. Светлая кожа на фоне тёмной одежды казалась почти прозрачной.

Су А хотела пройти мимо, сделать вид, что не заметила, но её рука — та самая, обожжённая, в повязке — задела пакет с рисом на полке и тот шлёпнулся на пол с глухим звуком, привлекая внимание всех, кто был в радиусе десяти метров.

Минхо повернулся. Увидел её. Опустил взгляд на рассыпанный рис, потом на замотанную руку, потом снова на лицо.

— Вы... — он не закончил, но в его голосе было удивление, от чего Су А почувствовала себя неловко.

— Всё в порядке, — сказала она, наклоняясь за пакетом. Рис рассыпался несильно — всего горсть, но поднимать было неудобно, потому что левая рука болела при любом сгибе.

Минхо опустился на корточки быстрее, чем она успела возразить. Собрал рисинки одну за другой — аккуратно, будто это были драгоценные камни, и ссыпал в пакет. Пальцы у него были длинные, с идеальными ногтями — без единой заусеницы.

— Обожглись, — сказал он, когда поднялся.

— Чайник, — коротко ответила Су А, забирая пакет. — Спасибо за помощь.

— Вам нужно к врачу. Такие ожоги без лечения рубцуются.

— Я была в аптеке, — она чуть повысила голос, сама не зная, зачем защищается. — Спасибо за беспокойство, но я справлюсь.

Он ничего не ответил. Взял свою тележку и отошёл к кассе. Су А купила рис, яйца, тофу и немного овощей — всё самое дешёвое, что было в наличии. На кассе она оказалась в тот момент, когда Минхо уже расплачивался и упаковывал свои покупки в холщовую сумку — тоже чёрную, конечно.

Они вышли из магазина почти одновременно, но он сразу свернул в сторону дома, сделав шаг шире, как будто не хотел её догонять или ждать. Су А плелась следом, чувствуя, как ноет рука и как пульсирует висок от усталости и лекарства, которое начало выветриваться.

Дома она быстро поужинала — рис с тофу, без всяких изысков, — выпила обезболивающее и легла на кровать, намереваясь уснуть раньше одиннадцати. Но сон не шёл. Мысли о маме, о трёхстах тысячах, о том, что завтра нужно снова ехать к врачу — рука действительно выглядела плохо, — вертелись в голове, как белки в колесе.

В какой-то момент она встала, с трудом надела джинсы, кофту с длинным рукавом и вышла в подъезд.

Чердачное окно.

Пожарная лестница.

Крыша.

Она не задавала себе вопрос «зачем». Если бы задала, ответ прозвучал бы примерно так: «Проветрить голову. Проверить растения. Посидеть в тишине». И это было бы правдой, но не всей.

Крыша была пуста.

Её сад стоял на своём месте, мята пахла сильнее обычного после вечерней прохлады, лимонное дерево держало на ветках три плода. Су А поправила горшки, проверила, не нужно ли полить — земля была влажной, кто-то поливал сегодня утром. Загадочный сосед? Вряд ли.

Она села на парапет, свесила ноги вниз и долго смотрела на огни Сеула, такие далёкие и равнодушные. Где-то внизу, в этой бесконечной мозаике окон, горел свет в квартире на девятом этаже — как раз над её. Минхо дома. Сидит, пьёт чай. Смотрит на ту же луну, что и она, только с другой стороны здания.

Она прождала на крыше около часа. Не специально — просто не могла заставить себя уйти. Ветер остужал разгорячённое лицо, боль в руке утихала на прохладе, и даже мысли перестали быть такими острыми.

Но он не пришёл.

Су А вернулась в квартиру, легла в кровать и сказала себе, что ей вовсе не хотелось его видеть. Что она пришла на крышу из-за растений. Что её интерес к соседу — чисто бытовой, потому что он ворует лимоны и странно разговаривает, и всё.

Она почти поверила себе.

В понедельник после работы, когда коллеги разошлись по домам, а Су А должна была мчаться в пиццерию, она вместо этого набрала номер мистера Кима и сказала, что сегодня не приедет — рука болит слишком сильно, и она боится, что не справится с развозкой. Мистер Ким вздохнул, но отпустил, велев беречь себя.

В поезде до Инчхона она дремала под мерный стук колёс и думала о том, сколько ещё это будет продолжаться. Год. Два. Десять. Пока отец не умрёт за карточным столом или пока кто-нибудь из кредиторов не сделает это за него. Мама не уйдёт — в этом Су А убедилась ещё в старшей школе, когда предложила матери собрать вещи и переехать к ней в съёмную квартиру. Тогда мама посмотрела на неё такими глазами, будто дочка предложила ей прыгнуть с крыши.

— Куда я пойду? — спросила она. — Он без меня пропадёт.

А Су А подумала тогда: «А если я пропаду? Ты об этом подумала?» Но не сказала вслух, потому что детям не положено требовать от родителей любви в ответ.

Отец, конечно, отсутствовал, когда она приехала. Квартира в старой многоэтажке пахла сыростью и нестираным постельным бельём — мама после стирки на работе возвращалась такой уставшей, что на домашние дела у неё не оставалось сил. Су А нашла её на кухне — маленькой, заставленной кастрюлями, с закопчённой плитой и вечно капающим краном.

— Дочка, — мама улыбнулась, но улыбка вышла слабой, почти жалкой. — Ты не на работе? Рука что?

— Слегка обожглась мам, пустяк. На развозе взяла выходной. — Су А обняла её — осторожно, чтобы не задеть больную руку. — Держи.

Она достала из рюкзака триста тысяч вон — четыре аккуратные пачки по пятьдесят и одна по сто, перетянутые резинкой — и положила на стол. Мама посмотрела на деньги, потом на неё, и Су А увидела в её глазах ту самую вину, которую ненавидела больше всего на свете.

— Прости нас, дочка.

— Не надо, мама. — Она отвернулась, чтобы не показывать слёзы, которые уже навораживались. — Просто... скажи ему, что в последний раз.

Обе ввали. И мама, и она. Потому что в следующий раз будет то же самое, и ещё, и ещё, пока у Су А не останется ни сил, ни денег, ни желания жить.

Она помыла посуду одной рукой, (неуклюже, морщась), вытерла пыль, проверила холодильник — там было пусто, если не считать заветренного риса и пары яиц. Су А сходила в магазин за углом, купила маме молока, хлеба, кимчи и немного мяса — то, что та не купила бы себе сама, экономя каждую вону.

Всё это время мама сидела на кухне, пила воду и молча смотрела, как дочка хлопочет. Иногда она пыталась сказать что-то, спросить про работу, про то, ест ли Су А нормально, но слова застревали, и повисала тишина — такая же тяжёлая, как запах сырости в этой квартире.

Когда Су А собралась уходить, мама вдруг заплакала. Тихо, прижимая ладони к лицу, и всхлипы были такими надрывными, что Су А замерла у порога.

— Не плачь, мама, — сказала она, хотя её собственный голос дрожал. — Всё будет хорошо. Я справлюсь.

— Ты уже столько лет справляешься, — выдохнула мама сквозь слёзы. — Когда это закончится?

Су А не знала ответа. Она просто вышла в подъезд, спустилась на лифте — здесь он работал в отличие от её дома — и уже на улице, у автобусной остановки, дала волю слезам.

Плакала она недолго — минуты три, может, четыре, пока автобус не подъехал. Уткнулась лицом в воротник старой куртки, плечи вздрагивали, и прохожие отводили взгляд — не потому, что им было стыдно, а потому, что в Сеуле никто не лезет в чужие слёзы.

В автобусе она вытерла лицо, высморкалась в салфетку и решила, что больше никогда не будет плакать. Это было её обычное решение после каждого визита к маме, и оно держалось ровно до следующего раза.

Домой она вернулась в десятом часу вечера. Рука болела, голова раскалывалась, и внутри была такая пустота, что хотелось лечь на пол и не вставать.

Но она заварила чай, вышла на крошечный балкон, который выходил на ту же серую стену. Села на старый табурет, поджала ноги и просто сидела, глядя, как сумерки окончательно сменяются ночью.

Сверху, из квартиры на девятом этаже, доносилась музыка — тихая, старинная, не похожая на то, что слушают в его возрасте. Фортепиано. Медленное, печальное.

Она представила, как странный сосед сидит у окна — в чёрном, конечно, с чашкой чая, смотрит куда-то вдаль, туда, где небо встречается с крышами. Интересно, о чём он думает? О чём можно думать, если у тебя есть дорогая заварка, фрукты и ни одного видимого повода для грусти? Но по мнению Су А, у каждого человека есть повод чтоб грустить.

Су А поставила пустую кружку на подоконник и пошла спать, потому что завтра — вторник, а во вторник у неё смена в офисе, потом в пиццерии, потом обезболивающее, потом сон. И так до бесконечности.

Но перед сном, уже лёжа в темноте, она вдруг поняла, что сегодня, впервые за долгое время, ей вновь захотелось выйти на крышу не из-за растений.

Из-за него.

Она тут же сказала себе, что это глупо, что она его почти не знает, что от него одни проблемы — лимоны ворует, спать мешает своей музыкой, и вообще, он странный. Но голос внутри, тихий и настойчивый, прошептал: «Ты же сама несколько дней назад специально поднялась наверх, надеясь его там увидеть. Не ври себе, Су А».

Она накрылась одеялом с головой, зажмурилась и приказала себе уснуть.

Сверху, с девятого этажа, фортепиано затихло.

И наступила тишина, в которой её собственное сердце билось почему-то слишком громко.

Глава 3. Подарок, которого не заслуживала

Пакет стоял прямо у двери — белый, без опознавательных знаков, перевязанный простой бечёвкой. Су А сначала подумала, что соседка слева снова ошиблась дверью и оставила свои продукты, но, наклонившись, увидела аккуратный прямоугольник бумаги, приклеенный скотчем:

«Выздоровливайте. Л.М.»

Л.М. Ли Минхо.

Она оглянулась по сторонам — коридор был пуст, только снизу, с пятого этажа, доносился запах жареного лука и запущенный кашель. Подняла пакет, вошла в квартиру, закрыла дверь на щеколду и только тогда позволила себе заглянуть внутрь.

Лимон — маленький, зелёный, пахнувший так сильно, что, казалось, он наполнил ароматом всю кухню. И баночка. Керамическая, тёмно-зелёная, без единой этикетки, с плотно закрытой крышкой. Су А открутила её, понюхала — ментол, что-то травяное, может быть, эвкалипт, и ещё какой-то запах, который она не могла описать. Не химический, не резкий, а приятный.

Мазь была густой, маслянистой, цвета топлёного молока. Су А нанесла немного на тыльную сторону здоровой руки — кожа сразу стала прохладной, и ментол разлился приятным покалыванием. Ничего особенного, обычная успокаивающая субстанция. Но баночка выглядела дорогой, ручной работы — такие продают в лавках для тех, у кого есть деньги на красивые мелочи. Она поставила её на полку рядом с чайной заваркой и долго смотрела на неё, чувствуя странную смесь благодарности и неловкости.

С каких пор лимонные воры разбрасываются мазью ручной работы?

Она сняла старую повязку — под ней кожа выглядела ужасно: красная, с мокнущими краями и следами лопнувшего волдыря. Су А нанесла мазь толстым слоем, заклеила свежим

пластырем и легла спать, решив, что завтрашний день она переживёт так же, как и все предыдущие: на автомате, закрывая глаза на боль и подбивая остатки бюджета.

Утро вторника встретило её тишиной — сверху не доносилось ни шагов, ни музыки. Минхо либо спал, либо его не было дома. Су А перевязала руку, проверила — ожог стал чуть менее ярким, но не настолько, чтобы радоваться. Мазь помогла снять отёк, но не больше.

В офисе первый час прошёл за разбором почты и подготовкой документов к утверждению. Юна влетела в кабинет ровно в десять, как всегда без стука, и сев напротив, сверкая серебристыми тенями на веках.

— Завтра вечеринка, — объявила она тоном, не терпящим возражений. — Чанхо задувает тридцать две свечи. Будет всё: шампанское, музыка, бассейн, его идиотские друзья из совета директоров. Я хочу, чтобы ты пришла.

Су А даже не подняла головы от экрана.

— Юна, у меня в среду развозка. И рука болит. И денег нет на подарок. И вообще, ты же знаешь, я не хожу на вечеринки.

— Ты не умеешь отдыхать, — парировала подруга, наклоняясь вперёд так, что её идеально уложенные волосы упали на стол. — В этом вся проблема. Ты забыла, как выглядят люди, которые не считают каждую вону. Чанхо просил тебя пригласить лично, между прочим. Он говорит, что ты единственная, кто не пытается ему что-то продать.

— Потому что мне нечего продать, — устало ответила Су А. — Кроме своей рабочей лошадиной силы.

— Вот и приходи такой, какая есть. В джинсах и футболке. — Юна откинулась на спинку стула. — Будет еда. Бесплатная. Ты любишь бесплатную еду.

Это был сильный аргумент. Су А замолчала, обдумывая, сможет ли она позволить себе потерять вечер, который можно было бы отработать в пиццерии. Мистер Ким, конечно, разрешил бы взять выходной, но выходной означал минус тридцать тысяч вон в копилку папиного долга.

— Я подумаю, — сказала она, хотя и знала, что ответ будет отрицательным.

Юна просияла, чмокнула её в макушку и улетела — так же внезапно, как и появилась. Оставив после себя ароматный след от дорогих духов.

Обеденный перерыв Су А провела за своим столом, жуя рис с тунцом и глядя в окно на серое сеульское небо, которое никак не могло решиться — то ли пролиться дождём, то ли продолжать душить влажной жарой. Она думала о вечеринке, о том, что не была ни на одном празднике с выпускного колледжа. Три года назад. Целая вечность. Тогда у неё ещё были подруги из универа, с которыми она ходила в караоке и пила дешёвое пиво в парке. Потом отец проиграл крупную сумму, мама позвонила в слезах, и Су А взяла первую подработку — развозить пиццу. А потом вторую, и третью, и друзья отпали сами собой — не потому, что они были плохими, а потому, что на них тупо не оставалось времени.

К вечеру, когда пальцы свело от постоянного вбивания цифр, а рука снова начала ныть, она вдруг поймала себя на мысли, что ей хочется посмотреть на этих людей — беззаботных, богатых, живущих в другой вселенной. Не чтобы завидовать. Просто чтобы убедиться, что они действительно существуют. Как туристы едут в джунгли смотреть на диких животных.

— Ладно, — сказала она пустому кабинету. — Схожу. Один раз.

Она позвонила мистеру Киму, сказала, что завтра нужен выходной, и тот, услышав в её голосе что-то новое — может быть, усталость, перешедшую в безразличие, — согласился без возражений.

На подарок денег не было совсем, но Су А вспомнила про книгу. «Сказание о Чунхьян» в твёрдом переплёте, на которую она откладывала два месяца, а купив завернула в плёнку и

убрала до лучших времён. Книга стоила сорок пять тысяч — почти столько же, сколько новая колодка для байка. Су А достала её с верхней полки шкафа, провела пальцами по корешку и вздохнула.

Чанхо, наверное, не читает. Но подарок должен быть.

На следующий день после работы она приехала домой, перевязала руку — ожог удивительным образом выглядел лучше, мазь явно работала быстрее любой аптечной — и достала из шкафа единственное платье, которое можно было назвать «выходным». Серое, с длинными рукавами и закрытой горловиной, купленное на распродаже два года назад для собеседования в «Тэхан Медиа». Оно сидело идеально — подчёркивало талию, скрывало бледную кожу рук и делало её глаза ещё светлее на фоне ткани.

В зеркале отражалась девушка, которую Су А почти не узнавала.

— Дура, — сказала она себе. — На один вечер можно и покрасиветь.

Байк завёлся с третьего раза, и она покатила в Каннам, где в переулке между высотными офисами и посольствами стоял дом Чанхо. Су А никогда там не была — Юна приглашала, но она всегда отказывалась, находя тысячу причин. И вот теперь, когда она свернула на мощёную дорожку и увидела двухэтажное здание с колоннами, фонтаном перед входом и садом, в котором росли не просто кусты, а настоящие сосны, подстриженные в форме облаков, она пожалела, что согласилась.

Припарковала байк за углом, чтобы не портить вид, — её старенький «Хонда» на фоне припаркованных «Мерседесов» и «BMW» выглядел как велосипед на парковке гиперкаров.

Юна встретила её у входа — в платье цвета шампанского, с бриллиантами в ушах и такой счастливой улыбкой, что Су А на секунду забыла о своей неловкости.

— Ты пришла! — подруга обняла её, потом отстранилась, оглядела с ног до головы. — Боже, какая ты красивая. Почему ты всегда ходишь в этих своих мешках?

— Потому что на работу не нужно красивое платье, — ответила Су А, протягивая пакет с книгой. — Это Чанхо. Скажи, что я... ну, что я рада, что он родился.

— Сама ему скажешь. Пошли.

Внутри дом оказался ещё больше, чем снаружи. Гостиная тянулась через всю ширину здания, заканчиваясь стеклянной стеной, за которой виднелся бассейн с подсветкой. Гостей было человек сто пятьдесят — мужчины в костюмах, женщины в вечерних платьях, все с бокалами, все смеющиеся, все такие гладкие и отполированные, будто их нарисовали.

Су А почувствовала себя грязным пятном.

Она нашла Чанхо в толпе — высокий, улыбчивый, с лёгкой небритостью. Он чмокнул её в щёку, взял пакет, сказал «спасибо, Су А, ты чудо» — и бросил подарок в общую кучу на столике у входа, даже не взглянув, что внутри.

Книга упала на коробку с виски и скользнула на пол. Чанхо не заметил. Су А заметила, но промолчала.

— Держи, — Юна сунула ей в руку бокал с прозрачной жидкостью и пузырьками. — Шампанское. Пей.

— Я не пью.

— Сегодня пьёшь. Это газировка. Почти.

Су А, никогда в жизни не пробовавшая шампанского, сделала глоток. Потом ещё один — сладковато, с горчинкой, пузырьки щекотали нёбо, и это было приятно. На третьем глотке она не заметила, как осушила бокал до дна. Юна и Чанхо переглянулись и засмеялись.

— Осторожнее, — сказал Чанхо. — Это не лимонад.

— Ты сказал «газировка», — ответила Су А, чувствуя, как тепло разливается по груди и щекам.

— Иди развлекайся, — Юна подтолкнула её в сторону гостиной, а сама утянула Чанхо танцевать.

Су А бродила среди гостей, как неприкаянная. Она пила ещё шампанское — уже осознанно, маленькими глотками, — рассматривала картины на стенах (оригиналы, судя по подписям), ела изысканные закуски, слушала обрывки разговоров про инвестиции, акции, отдых на Бали и покупку яхт. Эти люди говорили на языке, который она понимала — цены, сделки, деньги, — но с такими цифрами, что её мозг отказывался их обрабатывать.

Пятьдесят миллионов за картину? Это она могла бы заработать за... сколько? Десять лет? Пятнадцать?

Она отошла в тень, в угол, где почти не было света, и прислонилась к стене. Отсюда, с расстояния, вся эта красота казалась декорацией к фильму, который она смотрит с закрытого показа, куда не должна была попасть.

А потом она заметила его.

В дальнем конце сада, у каменной беседки, где фонари горели тусклее, чем у дома, стояли двое. Один — толстый мужчина в костюме, с залысинами. Второй — высокий, очень высокий, в чёрном плаще, который в летнюю жару выглядел так же нелепо, как и вся эта ситуация.

Ли Минхо.

Су А замерла, не веря своим глазам. Что он здесь делает? В доме Чанхо? Среди этих людей?

Она прищурилась, пытаясь разглядеть его лицо, но тень скрывала черты. Зато голос — низкий, жёсткий, какой-то другой, не тот, которым он говорил с ней на крыше — долетал до неё обрывками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.